

ДОКЛАД ПРОФ. С.Н. БУЛГАКОВА НА ПОМЕСТНОМ СОБОРЕ РПЦ 1917–1918 ГГ. В КОНТЕКСТЕ СОБОРНОЙ ДИСКУССИИ О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ЦЕРКВИ В ГОСУДАРСТВЕ

REPORT OF PROFESSOR S. N. BULGAKOV AT THE LOCAL COUNCIL OF THE ROC 1917–1918 IN THE CONTEXT OF THE COUNCIL DISCUSSION ON THE LEGAL STATUS OF THE CHURCH IN THE STATE

D. Olikhov

Summary. The question of the development of Church-state relations was constantly on the agenda of the local Council and was continuously discussed at all its sessions. November 15, 1917 S. N. Bulgakov made a report on the legal status of the Church in the state, in which he denied, recognizing "absurd", the principle of separation of Church and state. In General, the report of S. N. Bulgakov and the draft Declaration proposed by him clearly did not meet the current political situation, were based solely on dogmatics and historical plots, mostly divorced from actual reality. At the same time, this approach was typical for the participants of the Council as a whole. Neither the report nor the Declaration proposed any bill on the status of the Church.

Keywords: local Council of the Russian Orthodox Church, Sergius Bulgakov, separation of Church and state.

Олихов Дмитрий Владимирович

*К.и.н., к.богословия, Омская духовная семинария
Омской Епархии Русской Православной Церкви;
доцент, Омский Государственный университет
им. Ф. М. Достоевского
olikhovd@inbox.ru*

Аннотация. Вопрос развития церковно-государственных отношений постоянно стоял в повестке дня Поместного Собора и непрерывно обсуждался на всех его сессиях. 15 ноября 1917 г. С. Н. Булгаков выступил с докладом о правовом положении Церкви в государстве, в котором отрицал, признавая «абсурдным», принцип отделения Церкви от государства. В целом, доклад С. Н. Булгакова и предложенный им проект Декларации явно не отвечали сложившейся политической ситуации, строились исключительно на догматике и исторических сюжетах, большей частью оторванных от актуальной реальности. В то же время, такой подход был характерен и для участников Собора в целом. Ни в докладе, ни Декларации не было предложено никакого законопроекта о статусе Церкви.

Ключевые слова: Поместный Собор Русской Православной церкви, Сергей Булгаков, отделение Церкви от государства.

В современной российской историографии устоялась точка зрения, согласно которой главной проблемой, обсуждавшейся на Поместном Соборе РПЦ было состояние и перспективы развития церковно-государственных отношений [1]. Именно этот вопрос стоял в центре повестки дня и, по сути, непрерывно обсуждался на всех трех сессиях, вплоть до 20 сентября 1918 г., т.е. до вынужденного прекращения работы Собора. При этом основное его значение для РПЦ оценивается двойственно: и как «возрождение религиозного мировоззрения, как для духовенства, так и для мирян» и как разработка «программы существования церкви в новую эпоху...». Здесь имеется в виду «формирование принципов взаимодействия с государством» [2].

Если, как отмечал С. Н. Булгаков [3], «для первых христиан история будущего не была ясна, они не ощущали и отрицали историю», то мы (современники революционных событий) «убедились опытом тысячелетней истории, что есть исторический путь, есть родина и есть Государство». Именно отсюда, как отмечал докладчик, «возникают и те вопросы, которые пред нами стоят» [4].

15 ноября 1917 г. С. Н. Булгаков выступил с докладом о правовом положении Церкви в государстве перед Собором, который хотя и окончил в 1894 г. юридический факультет Московского университета, но никогда не был ни теоретиком государственного или канонического права, ни практикующим юристом. В том числе, поэтому доклад базировался в большей степени не на строго юридическом, а на широком философском и политико-правовом контексте. В целом, доклад отразил общественно-политические и политико-экономические взгляды С. Н. Булгакова, которые, как обосновано отметил Игумен Иннокентий (Павлов) можно считать «идеальным фундаментом несостоявшейся российской христианской демократии» [5].

Особенностью ситуации было то, что на момент произведения доклада само понятие «государственности» было под большим вопросом, так как судьба только что установленной советской власти оставалась неясной, а её институты ещё в полной, государственной мере, не сформировались. Выступая на Соборе проф. Н. Д. Кузнецов, отразил настроение большинства его участников,

констатируя «состояние полной анархии» в России, когда «все еще только кричат о необходимости... твердой государственной власти и пока совершенно неизвестно, в какие формы выльется будущий государственный строй» [6]. Автор отрицал революционный характер февральских и октябрьских политических событий, называя первые не иначе как «государственный переворот», который для населения России по оценке автора, стал переворотом политическим так как «пало царское самодержавие».

С.Н. Булгаков, понимая ситуацию как «трагические минуты русской государственности», в которые «у всех является сомнение и лежит тяжкая дума: да есть ли еще Русская государственность и правительственная власть?», методологически выстроил свой доклад об отношении Церкви к Государству «не практически или исторически», а скорее — «по вечным заветам своего бытия, в соответствии вечными истинами», не считаясь при этом с «изменчивым положением Государства и ходом исторических событий». При перечислении адресатов своего доклада, его автор игнорировал советское государство, т.е. власть, обратившись трем адресатам: 1) Вселенской Церкви, органом которой в какой-то мере был Собор; 2) к православному русскому народу, который, по меткой ремарке автора «не исчерпывался теми, кто сидел в Смольном Институте» и 3) ко всему православному миру.

В то же время, С.Н. Булгаков однозначно отрицал, признавая «абсурдным», принцип отделения Церкви от государства, которое, по мнению автора, закрепляло «исключительно мирское господство», а Церковь уводило куда-то в пространство, вне истории и вне жизни...».

Первой, политической части доклада, явно не хватало оперативности, так как автор все еще (в середине ноября 1917 г.) анализирует ситуацию после Февральской революции (не признавая её таковой), полагая, что для Государства «она имела политическое значение», тогда как для Церкви — также религиозное значение. Автор доклада, не ссылаясь на данные каких-либо социологических исследований, констатирует, что в сознании верующих «и даже клира, не говоря о простом народе», вариативно, т.е. «у одних за страх и у других за совесть», также и «верно или не верно», «утвердилась мысль, что старый строй (царизм) имел свое «религиозное освящение». В этом смысле С.Н. Булгаков отрывался от политического момента, так как новая власть четко давала понять, что такого понимания «политического бытия», она не приемлет. Автору оставалось лишь высказывать общие теолого-теоретические положения по этому вопросу, ставя вопрос о возможности «религиозного переворота» перед Священным Собором в плоскости правомерности идеи «нарочитого помазанничества го-

сударственной власти», а также условий её осуществления и её связи с «определенными политическими формами».

Актуальность разрешения поставленного вопроса С.Н. Булгаков видел: во-первых, «в связи с переживаемым политическим моментом», а во-вторых, в связи с тем, что сам вопрос «имел большое и широкое значение», будучи «вопросом о понимании Церковью политических, исторических и культурных задач государственности в рамках «вообще всего земного делания».

Докладчик предлагал следующие варианты: первый — отношение Церкви «ко всем этим стихиям», включая «стихию государственности» — «отрицательное, пассивно-терпящее». В этом случае — её задача — «вносить свет благодати в эту сферу, как и повсюду, и во все стороны жизни». Разрешение вопроса докладчик искал в догматике, обращаясь к «первооснове о боговоплощении Господа Иисуса Христа» и ссылаясь на Афанасиев догмат, принятый на Никейском Соборе. Исходя из этого, по мнению С.Н. Булгакова, Церковь «не одну задачу не может отвергнуть, как чуждую», т.е. Церковь не могла отстраниться и объявить себя полностью вне политики, что на тот момент означало бы оказаться и вне общества.

Исходя из этого, докладчик выступает резко против, «осуждая, отвергая и признавая абсурдным то, что называется отделением Церкви от Государства», по которым он понимал предоставление Государству исключительного мирского господства, при котором предполагался «уход Церкви куда-то в пространство, вне истории и вне жизни». Такого рода «отделение», по мнению докладчика, «многим» (ссылка на сторонников данной позиции в докладе отсутствует) «представляется наиболее естественным и либеральным решением вопроса».

С.Н. Булгаков признавал, что «перед лицом нашего нового Государства мы стоим... прямо в трагическом положении». При этом, по мнению докладчика, Церковь, неизбежно не могла по другому «определяться в отношении к государству», исходя из «требований и по духу своего учения», так как «помазанность государственной власти признавалась руководящим началом государственной жизни» со времен Византии и перешла в Россию по наследству «вместе с бармами Мономаха и чином коронавания царей».

Такое понимание церковно-государственных отношений, по оценке докладчика, было «взлелеяно Древней Русью», затем, с Петра I-го, в эти отношения «вторглась протестантская стихия», сделав Церковь «только отдельной частью государства, наравне с другими частями государственного механизма». В результате — формы церковного управления, а, прежде всего — подчинение

светской власти и синодальное управление, «противоречили вселенскому сознанию Православной Церкви, не соответствовали и были «противны духу Церкви». Докладчик заявил о неприемлемости подчинения Церкви какой бы то ни было политической идее, критикуя «некоторых членов Церкви», защищающих её отделение «в его крайней форме», увидел у них грех цезарепапизма.

Докладчик, от имени Церкви требовал от государства «внимания к нуждам Церкви», а если оно этого не сделает, то «навлечет на себя осуждение». Оно, как отметил С. Н. Булгаков, «может отвергнуть Церковь», но последняя «не отвергнет государственной жизни русского народа!». Таким образом, докладчик вплотную подошел к «практическому решению вопроса... при теперешних политических обстоятельствах». Вопрос состоял в том, как Церкви определить свою роль, «чтобы сохранить за Церковью *наивысшую степень влияния* её на ход государственной жизни?» (выделено нами). В целом задача виделась в том, чтобы «не тесня других» (имелись ввиду другие конфессии), «найти твердое правовое положение для Православной Церкви в Российском Государстве». При этом важно, что докладчик признавал лишь «господство» православия «в умах и душах верующих», а не в законе, что означало отказ от официального православия как государственной религии.

В заключение своего доклада С. Н. Булгаков предложил Собору свой проект Декларации по обсуждаемому вопросу — «положению Православной Церкви в Русском Государстве», которую автор составил на основе исключительно «указанных исторических фактов». Предложенный документ, как указал автор, «хотя и носит черты индивидуальности, но была одобрена всеми», что не соответствовало действительности.

Как пояснил Председательствующий на Соборе, проект Декларации не был одобрен всем составом соборного Отдела, а только лишь его большинством, на что указывало и примечание к названию официального текста документа: «по поручению Отдела составлена проф. С. Н. Булгаковым». Важно, что и поддержка большинства Отдела была формализована, так как Декларация не ставилась в Отделе на голосование, а была принята лишь как «взгляд большинства по изложенному в ней вопросу». В этой связи, документ формально представлял лишь точку зрения докладчика, которая должна была быть постатейно обсуждена на Общем Собрании Собора, после ознакомления с текстом всех участников [7].

Декларация «Об отношении Церкви к Государству», составленная по поручению Отдела С. Н. Булгаковым начиналась с Преамбулы, в которой отражалась суть Церкви Христовой как «света истины», не имеющей «предела

для области её влияния», «новой закваски, претворяющая все естество человеческой жизни», в связи с чем, не было «в ней стихии, совершенно недоступной для этой закваски». В этом смысле она не могла быть «отделена от жизни или рассматриваться, как «частное дело» личности».

Здесь проявилась слабость анализа и доклада С. Н. Булгакова, который был построен исключительно на историческом материале, в основном весьма и весьма отдаленном от событий 1917 года, как по времени, так и по содержанию и смыслу. Повторяющиеся ссылки автора на «урочный час всемирной истории, когда пред очами св. равноапостольного императора Константина загорелось небесное знамение — Св. Крест», что означало признание римским государством «для себя высшим авторитетом Церкви Христовой», а церкви корреспондировала «новую задачу в истории» и «ответственность за судьбы земного царства», ни в коей мере не могло означать распространение того же на все последующие государства в всемирной истории, на которые не распространялась римская юрисдикция как территориально, так и по времени.

В целом, доклад С. Н. Булгакова и предложенный им проект Декларации явно не отвечали «требованиям момента», строились исключительно на догматике и исторических сюжетах, большей частью оторванных от актуальной реальности. Автор не изучал и не приводил в докладе реальных и релевантных данных об отношении на текущий момент населения России к религии и Церкви [8], о позиции других конфессий по вопросу строительства церковно-государственных отношений. Не было в докладе и анализа позиции новой власти в отношении к Церкви. Автор ограничился лишь весьма безапелляционными, имеющими слабые правовые основания, претензиями на духовное и конфессиональное господство.

В то же время, такой подход был характерен и для участников Собора в целом. Российские исследователи задавались вопросом о том, почему же соборное большинство, хорошо зная о крайне атеистической природе новой советской власти, все же ориентировались на союз церкви и государства, на сохранение привилегированного положения православия, на всемерную государственную поддержку церкви и даже на — нравственное воспитание населения? [9]. К предлагаемым ответам на этот вопрос (неверие в прочность новой власти и т.п.) следует добавить и неготовность тогдашних иерархов Церкви адекватно реагировать и отвечать на вызовы времени. Здесь сказалось многовековое господствующее положение РПЦ в российском государстве. Церковь «привыкла» или была «приучена» властью к своему привилегированному положению и при возникновении

трудностей оказалась не готова к адекватной реакции на них.

Кроме того, ни в докладе, ни Декларации, автор, зная об отмене новой властью прежних законов, не предложил никакого законопроекта о статусе Церкви. Таким об-

разом, была упущена пусть гипотетическая возможность оперативного воздействия на разработку позиции власти по этому вопросу, так как Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви был принят Советом народных комиссаров 20 января (2 февраля) 1918 г. (вступил в силу 23 января (5 февраля) 1918 г.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Кашеваров А. Н. Разработка на Поместном соборе 1917–1918 гг. Официальной позиции Православной церкви в отношении Советской власти и ее религиозной политики// Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Серия 2. История. № 2. С. 48–60.
2. Алонцева Д.В. С. Н. Булгаков о роли поместного собора в советскую эпоху// Эволюция государства и права: история и современность. Сб. трудов конф. Курск, 2017. С. 17–20.
3. Булгаков Сергей (Сергий) Николаевич (1871–1944) — русский экономист (легальный марксист), священник (с 1918 г.), богослов, философ-теолог, профессор. В конце 1922 г. выслан из СССР. Один из сооснователей и проф. Свято-Сергиевского богословского института (Париж).
4. Здесь и далее цитирование доклада осуществляется по тексту, опубликованному на миссионерском православном портале «Дышу православием» <http://dishpravoslavie.ru/deyaniya-pomestnogo-sobora-1917-1918-gg-deyanie-sorok-pervoe/>
5. Игумен Иннокентий (Павлов) Учение С. Н. Булгакова об общественном идеале// Моя Газета. 1995. 3 мая. № 16.
6. Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918. № 3–4. С. 124.
7. Примечательно, что председательствующий отказал в слове желающим начать немедленное обсуждение Декларации сразу после доклада С. Н. Булгакова, сославшись на то, что «она многим неизвестна» и обсуждение её можно будет начать лишь тогда, когда она будет отпечатана и роздана всем членам Собора. Только после этого и по окончании постатейного рассмотрения «законопроекта», её предполагалось поставить на голосование/ Деяния Поместного Собора. Деяние 41, пп. 17–18 URL: <http://dishpravoslavie.ru/deyaniya-pomestnogo-sobora-1917-1918-gg-deyanie-sorok-pervoe/>
8. И. К. Смолич писал о том, как «народное сознание продолжало настаивать на внутренней связи государя с Православной церковью и постоянном укреплении этой связи в силу освященной традиции», однако, на основании чего сделан этот вывод, неизвестно, так как соответствующих социологических исследований автором не проводилось/ Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700–1917 гг. С. 163.
9. Кашеваров А. Н. Разработка на Поместном соборе 1917–1918 гг. Официальной позиции Православной церкви в отношении Советской власти и ее религиозной политики// Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Серия 2. История. № 2. С. 48–60.
10. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1918. № 18 26 января 1918 г.

© Олихов Дмитрий Владимирович (olikhovd@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»